

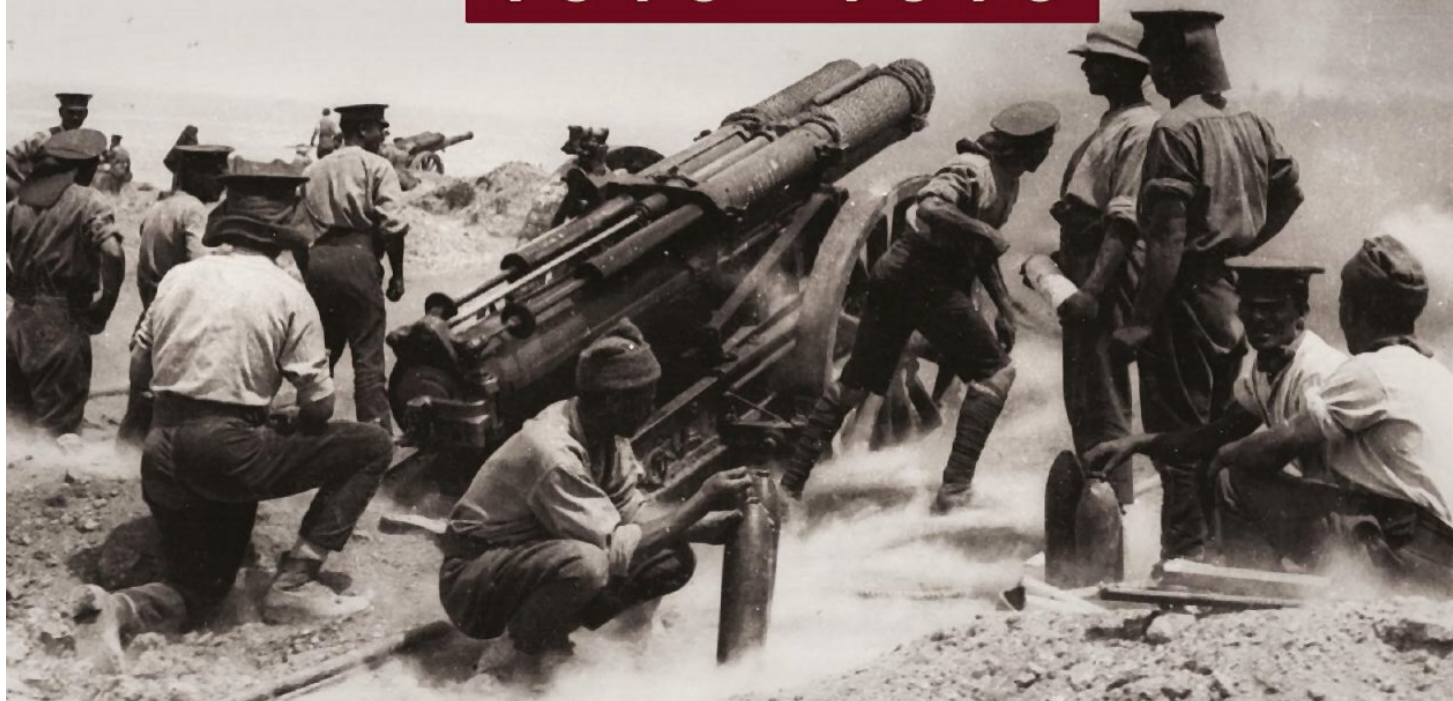
А Л А Н М У Р Х Е Д

БОРЬБА

ЗА ДАРДАНЕЛЛЫ

РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ
МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И АНТАНТОЙ

1 9 1 5 – 1 9 1 6

Алан Мурхед

**Борьба за Дарданеллы.
Решающее сражение
между Турцией и Антантой**

«Центрполиграф»

2008

УДК 94(560)
ББК 63.3(0)53

Мурхед А.

Борьба за Дарданеллы. Решающее сражение между Турцией и Антантой / А. Мурхед — «Центрполиграф», 2008

ISBN 978-5-9524-5627-3

В книге Алана Мурхеда рассказывается об одной из самых значительных операций Первой мировой войны под турецким городом Гелиболу (Галлиполи). За власть над Дарданеллами, Босфором и Константинополем столкнулись интересы великих держав: Англии и Франции, которым оказала сопротивление экономически отсталая, истощенная в Балканских войнах Турция при поддержке Германии. Из-за противоречий среди союзников, плохой подготовки, а также отсутствия единого командования Дарданелльская операция не достигла цели. Союзные войска понесли огромные потери. Автор анализирует причины поражения и делает обобщающие выводы о его последствиях. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(560)
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-9524-5627-3

© Мурхед А., 2008
© Центрполиграф, 2008

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алан Мурхед
Борьба за Дарданеллы
Решающее сражение между
Турцией и Антантой

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника Янны Галеевой

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2021

* * *

Предисловие

Мне бы хотелось выразить мою особую благодарность генералу Люфти Гивенчу из отдела истории турецкого Генерального штаба, предоставившему мне полнейший доступ к официальным архивам в Анкаре, и полковнику Шюкрю Сиреру, который подготовил много карт и сопровождал меня на самом поле сражения, майору Т. Р. Моллоу из британского посольства в Анкаре, который перевел для меня военные дневники Мустафы Кемалья, бригадному генералу Сесию Эспиналь-Огландеру и капитану Бэзилю Лидделл Гарту, которые, просмотрев текст, избавили меня от многих ошибок, госпоже Мэри Шилд – литературному агенту генерала Гамильтона, разрешившей мне пользоваться частными бумагами генерала, а также моей жене, работавшей со мной над книгой на всех стадиях.

К числу многих других, любезным образом помогавших мне своими воспоминаниями и советами, относятся сэр Гарольд Николсон, лорд Нэнки, фельдмаршал сэр Джон Хардинг, фельдмаршал сэр Уильям Слим, леди Вайолет Бонэм-Картер, господин Х. А. Дж. Лэм, госпожа Хелен Хьюго, генерал-лейтенант лорд Фрейберг и майор Тасман Милингтон. Я также весьма благодарен за помощь, оказанную Адмиралтейством, военным министерством, Императорским военным музеем, персоналом Лондонской библиотеки и британского посольства в Анкаре.

На тему Галлиполийской кампании написано много книг, и, поскольку я не могу претендовать на то, что прочел все, я обязан признать свой особый долг перед официальной историей, изложенной бригадным генералом Эспиналь-Огландером, книгами сэра Уинстона Черчилля «Всемирный кризис» и сэра Яна Гамильтона «Галлиполийский дневник» и мемуарами адмирала флота лорда Кейса.

Представляло трудности, которые я не смог преодолеть, написание турецких названий. Например, Галлиполи по-турецки произносится «Гелиболу», а Чанак более точно пишется как «Шанак». Со времен боев иные места изменили свои названия, в частности Константинополь, который ныне является Стамбулом. Однако, поскольку эта книга написана на английском, представлялось наилучшим использовать названия, наиболее знакомые англоговорящему читателю, и потому в целом я следовал орфографии, использовавшейся в британской военной картографии того времени.

Глава 1

*Остается ключевой вопрос: кто будет владеть
Константинополем?
Наполеон*

Еще в августе 1914 года было вовсе не очевидно, что Турция вступит в Первую мировую войну на стороне Германии. Для нее не было никакой необходимости участвовать в войне, никто ей всерьез не угрожал. И в действительности в то время Антанта и страны Тройственного союза одинаково старались удерживать ее в нейтральном статусе. Эта страна определенно была не в состоянии воевать. За пять лет, прошедших с того момента, как младотурки впервые пришли к власти, Османская империя раскололась на многие части: стала независимой Болгария; Салоники, Крит и острова Эгейского моря отошли к Греции, Италия захватила Триполи и Додеканес, а Британия объявила протекторат над Египтом и аннексию Кипра.

Уже год как Германская военная миссия добилась заметных улучшений в состоянии турецкой армии, но длинная череда поражений в Балканских войнах причинила ей огромный ущерб. Во многих местах солдатам месяцами не выплачивали жалованья, а мораль упала почти до той точки, за которой начинается мятеж. За исключением нескольких элитных частей, это было оборванное, голодное воинство, лишенное чуть ли не всех видов вооружений, требуемых в современной войне. Флот тоже безнадежно отстал от времени, а гарнизон в Дарданеллах с его устаревшими орудиями был слишком слаб, чтобы иметь какой-то шанс выдержать решительные атаки любой из великих держав.

В политическом отношении ситуация была хаотичной. Младотурки со своей партией «Единение и прогресс» неплохо начали, когда в 1909 году они свергли султана, а их демократические идеи получили поддержку большинства либерально мыслящих и прогрессивных людей во всех уголках страны. Но пять лет войн и внутренних неурядиц оказались для них слишком большим бременем. Прогнившее правительство империи пало слишком низко, чтобы имело смысл браться за его реанимацию, а энергия младотурков неизбежно отвлекалась на незамысловатую и отчаянную борьбу за собственное политическое выживание. Уже не велись разговоры о демократических выборах, свободе и равенстве для людей всех рас и вероисповеданий под сенью полумесяца. Пушок юности давно уже сошел с облика комитета партии: он проявил себя безжалостной машиной, которая почти так же страшна и во многом еще более безрасудна, чем все то, что измыслил Абдул Проклятый. В финансовом отношении правительство оказалось банкротом. Морально оно вернулось к прежней системе насилия и коррупции. В каждом заметном городишке, остававшемся в азиатской части империи, имелись партийные ячейки комитета, и без их поддержки не было возможности получить какое-либо политическое назначение. Местное управление в таких отдаленных центрах, как Багдад и Дамаск, находилось в ужасном состоянии, а Константинополь имел столь незначительное на них влияние, что в любой момент какой-нибудь местный вождь мог утвердить себя во главе своего независимого государства.

В стране и за ее пределами родилось то самое ощущение беспомощности, которое заставило Турцию обратиться к внешнему миру в поисках союзников, и в итоге это свелось к выбору между Германией и Британией. Тактически альянс с Германией был очевиден, поскольку кайзер жаждал его и был в состоянии поставить турецкую армию на ноги. Но немцев в Турции не любили. Особый уполномоченный при американском посольстве в Константинополе Льюис Эйнштейн, вероятно, был прав, когда утверждал, что турки всем иностранцам предпочитают англичан – и это несмотря на факт, что британские чиновники в Турции привыкли считать

«хорошими» тех турок, что молятся пять раз в день и обращаются к англичанам за советом. У Англии были деньги, она правила морями, а на своей стороне имела Францию и Россию. Конечно, присутствие России в этом альянсе вызывало смущение, поскольку Россия являлась традиционным врагом Турции, но даже с этим младотурки могли согласиться, прояви англичане больше энтузиазма. Однако этого не произошло. Это правительство молодых революционеров вообще не принималось всерьез, и существовали подозрения, что оно может в любой момент оказаться не у дел. Когда младотурки прибыли в Лондон с предложением англо-турецкого союза, их вежливо выпроводили.

К августу 1914 года развитие событий привело к компромиссу, склонявшемуся на сторону Германии. Британская морская миссия продолжала функционировать в Константинополе, но она уравнивалась – возможно, даже перевешивалась – деятельностью Германской военной миссии, которая активно проникала в ряды турецкой армии. И пока Британия и Франция продолжали оказывать молчаливую поддержку стареющим консервативным политикам в Константинополе, кайзер решительно не привлек на свою сторону более молодых и агрессивных лидеров «Единения и прогресса». В то время еще стоял вопрос, «какая сторона поставит на правильную лошадь». Если младотурки были бы выведены из игры, Антанта могла бы рассчитывать на дружественное нейтральное правительство в Константинополе и на конец германским угрозам на Ближнем Востоке. Но останься младотурки у власти, британцы и французы оказались бы в неприятном положении. Понадобилось бы поменять ставки, попробовав поставить деньги на победителя и получить их до того, как гонка закончится.

Сложилась чрезвычайно привлекательная для восточного ума ситуация, и младотурки постарались извлечь из нее максимум пользы. Более того, обстановка вряд ли могла быть более благоприятной для начавшихся сложных интриг: тут участвовали и иностранные послы, расположившиеся, словно бароны-разбойники, в своих огромных посольских комплексах вдоль Босфора, и младотурки во дворце Юлдиз, и Блистательная Порты. Да и повсюду в самой раскинувшейся на огромной площади, разлагающейся, но в то же время прекрасной столице царил приглушенная атмосфера заговоров, которая, похоже, накануне войны охватила все нейтральные столицы. Эта атмосфера была схожа с той, что возникает в казино в момент максимальных ставок глубокой ночью, когда каждый ход представляется судьбоносным, predetermined, когда все, как игроки, так и зрители, поглощены игрой и когда на мгновение целый мир, кажется, зависит от чьего-то мимолетного каприза, какого-то особого акта смелости, раскрытия карт. В Константинополе это ненатуральное, искусственное возбуждение было еще большим, поскольку никто не знал правил игры, а в этой непонятной головоломке идей, возникавшей на всякой встрече между Востоком и Западом, никто не мог предвидеть на один-два хода вперед.

Но при всем этом надо было принимать во внимание личности главных действующих лиц, и прежде всего личности младотурков. Даже в местности с такой злой репутацией, как Константинополь, трудно представить себе подобную странную группу лиц. В младотурках было что-то неестественное, какая-то дикая и устаревшая театральность, которая вроде бы знакома и в то же время совершенно нереальна. Невольно склоняешься к тому, что это персонажи какого-то фильма о гангстерах, наполовину документального, наполовину воображаемого, и было бы нетрудно предать их тому удобному забвению, которое обычно окутывает большинство политических авантюристов, если бы они как раз в этот момент не обладали такой властью над многими миллионами людей.

Сэр Гарольд Николсон, бывший в то время младшим секретарем британского посольства, вспоминает, как они однажды все вместе явились к нему домой на ужин. «Был Энвер, – пишет он, – в своей скромной короткой форме. Руки покоились на эфесе, маленькое лицо брадобрея задрано над прусским воротничком. А вот Джемаль. Белые зубы сверкают тигровым блеском на фоне черной бороды. У Талаата выделяются огромные цыганские глаза и красно-

вато-коричневые цыганские щеки. Невысокого роста Джавид свободно говорит по-французски, ходит подпрыгивая, вежлив».

Странно, конечно, что они вообще существовали, что им вообще досталась власть в мире, где все еще понятия не имели о нацистах и фашистах в униформе, о коммунистических чиновниках на банкетах.

Талаат был человеком экстраординарным, но все равно ему свойственна была определенная приземленность, из-за чего его легче понимали, нежели остальных. Он был партийным руководителем, крупного сложения, твердого, спокойного характера, и вместо веры он обладал инстинктивным пониманием слабостей человеческой натуры. Свою карьеру он начал почтовым телеграфистом и никогда внешне не производил впечатления чего-то большего. Даже став министром внутренних дел – пост, который, может быть, был ему предназначен самой природой, так как он практически стал контролером комитетского аппарата, – он все еще держал у себя в кабинете на столе телеграфный коммутатор и, казалось, громадными кистями отстукивал на нем распоряжения своим коллегам. Уже долгое время после того, как другие облачились в форму, завели себе телохранителей и перебрались в роскошные виллы на берегах Босфора, Талаат продолжал жить в шатком трехэтажном деревянном доме в одном из беднейших районов Константинополя. Американский посол Генри Моргантау как-то днем неожиданно заехал к нему домой и обнаружил его в плотной пижаме и с феской на голове. Дом был обставлен дешевой мебелью, стены ярко разрисованы, а пол устланы изношенные коврики. А жена-турчанка Талаата во время их беседы то и дело украдкой нервозно подсматривала за мужчинами сквозь решетчатое окно.

Большинство из иностранцев, знавших Талаата в то лето, были о нем высокого мнения, некоторым он даже нравился. Моргантау всегда считал, что может его развеселить, и в эти моменты исчезала дикая озабоченность, темное цыганское лицо расслаблялось, и Талаат был в состоянии вести разговор, проявляя огромную искренность и умственные способности. Как говорит Обри Нерберт, в нем были «сила, твердость и почти первобытное добросердечие, а свет в его глазах редко можно было встретить у людей. Скорее, иногда у животных на закате солнца». И все же Талаат при всей остроте его ума и способности к концентрации не допуская эмоций, видимо, ощущал потребность в людях действия вроде Энвера.

Энвер был чудачком, неким своенравным ребенком, шокировавшим и сбивавшим с толку их всех. Он был наделен какой-то мрачной и сложной привлекательностью, которая скрывает истинный возраст или мысли. И если Талаат походил на Уоллеса Бири из немых фильмов, то Энвер при всей его развязности – на Рудольфа Валентино.

Он родился в Адано, на берегу Черного моря. Отец его, турок, был смотрителем моста, а мать-албанка занималась трудом, считавшимся одним из самых низких в этой стране, – готовила мертвецов к погребению. Может быть, свой крайне привлекательный вид мальчик унаследовал от бабушки-черкешенки, но остальные качества, похоже, были сформированы им самим и находились в замечательном равновесии друг с другом. Он был исключительно тщеславен, но это был особый вид тщеславия, которое скрывалась под внешней скромностью и стеснительностью, а его безрассудная храбрость в действиях компенсировалась столь холодной, столь спокойной и невозмутимой внешностью, что можно было подумать, что он наполовину спит. На службе он демонстрировал такое достоинство манер, что, казалось, никакая беда не способна смутить его, а любое решение, какой бы важности оно ни было, требовало от него лишь нескольких мгновений для размышлений. Даже свое честолюбие он скрывал с той же явной легкостью, с какой он перемещался среди людей, принадлежавших к куда более высококультурному обществу, чем его собственное. Неудивительно, что при его легкости и очаровании он создал себе столь высокий авторитет у властей предрержавших того времени; вот вам юный кавалерист в реальной жизни, скромный молодой герой. И все это служило самым эффективным прикрытием для врожденной жестокости, мелочности и убогой мегаломании, таившихся

в глубине. Начиная примерно с двадцати пяти лет, когда он окончил колледж военного штаба в Константинополе, карьера Энвера была особенно бурной. Его специальностью стали свержение правительств физическими методами, внезапные вооруженные налеты на государственные учреждения. В последних войнах он приобрел репутацию замечательного командира командос. В 1908 году он вел одну из мелких группировок революционеров, которые шли маршем на Константинополь и заставили Абдул Гамида восстановить конституцию, а год спустя, когда Абдул не сдержал своих обещаний, Энвер опять оказался в столице, штурмуя баррикады в своей изорванной форме, с четырехдневной бородой и пулевым ранением в щеку. На этот раз Энвер и его товарищи свергли Абдула навсегда.

В последующие годы, когда половина стран Восточной Европы принялась за разрушение остова Османской империи, не было ни одного фронта, даже самого отдаленного, где бы неожиданно не появлялся Энвер, чтобы возглавить контратаку. Со своего поста военного атташе в Берлине он бросился в Ливийскую пустыню, чтобы сражаться с итальянцами в окрестностях Бенгази. Потом в 1912 году он вернулся на континент, чтобы снова не допустить болгар к Константинополю. Ничто его не смущало, никакие поражения не подтачивали его бесконечную энергию. В конце Первой Балканской войны в 1913 году, когда все было потеряно и, казалось, сам Константинополь вот-вот падет, Энвер оказался человеком, не принявшим перемирие. Он повел на столицу банду из двухсот своих сторонников, набросился на миротворческий кабинет министров в разгар его работы, застрелил военного министра, а потом, сформировав новое правительство, которое ему было более по душе, вернулся на фронт. В конце концов, он, овеянный славой, появился в конце Второй Балканской войны, ведя потрепанные турецкие батальоны назад в Адрианополь.

Как администратор, он применял весьма простые методы. Летом 1913 года, будучи в военном министерстве, в один день снял с постов 1200 офицеров турецкой армии, среди них не менее 150 генералов и полковников. По мнению Энвера, они были политически неблагонадежны.

Другие лидеры среди младотурок, возможно, были такие же способные, как и Энвер. Это Махмад Шевкет, который возглавил марш на Константинополь в 1909 году, Джавид – еврейский финансист из Салоник, Джемаль – морской министр, и некоторые другие. Но никто не мог соперничать с Энвером по части политической дерзости. Он их всех перещеголял, совершая возмутительные, невозможные вещи. К лету 1914 года, когда ему было тридцать четыре и выглядел он таким же юным и собранным, как всегда, он достиг позиции, дающей огромную власть в Константинополе. Он женился на принцессе и обосновался во дворце с личными телохранителями и свитой слуг. Он был военным министром и главнокомандующим армией. В правительстве и комитете партии «Единение и прогресс» даже Талаат не осмеливался ему возражать, и становилось все более очевидным, что у этого человека куда более далеко идущие планы в отношении личного будущего. Иностранные послы, наносившие визиты молодому министру, встречали его сидящим в кабинете в форме, очень нарядным и улыбающимся. На стене за его столом находились портреты Фридриха Великого и Наполеона.

В перечне гостей, присутствовавших на ужине у Гарольда Николсона, отсутствует одно имя, более важное, чем все остальные. Действительно, вряд ли могло случиться, чтобы британское посольство пригласило Мустафу Кемалья, потому что он еще не был известен в Турции. И все-таки существует бьющая в глаза параллель между биографиями Кемалья и Энвера, и это совсем не случайно – случайность уединенного и эгоистичного ума Кемалья – то, что он не входил в эту группу. Кемаль и Энвер были ровесниками; Кемаль, как и Энвер, родился в бедной семье, поступил на службу в армию, примкнул к революционному движению и принимал участие во всех войнах. Но серый цвет формы был фоном ранних лет карьеры Кемалья. Он не обладал чутьем Энвера, его быстротой и спонтанностью. Ему не хватало таланта идти на компромиссы и переговоры. Презирая мнение других и не терпя чьей-либо власти, он, видимо,

каким-то образом оказался в плену собственного мышления. Он ожидал шанса, который так и не представился, а тем временем другие с легкостью обгоняли его.

Начиная с 1909 года Кемаль постоянно находился в тени Энвера. Он участвовал в революционном марше того года на столицу, но оставался на втором плане, занимаясь вопросами армейской администрации, а Энвер тем временем крушил баррикады. Кемаль служил под началом Энвера в Триполийской кампании и в Балканских войнах. Он даже присутствовал при триумфе Энвера в Адрианополе. На любом этапе они ссорились, хотя оба были готовы к этому, поскольку в то время, как Кемаль был гениальным командиром, Энвера следует рассматривать как одного из самых глупых и вредоносных генералов, когда-либо живших на земле. Неясно, изучал ли Энвер основы военного дела, извлекал ли опыт из тех ужасных поражений в боях, которые он столь уверенно планировал. На протяжении всех этих лет хаоса Кемалю была суждена горькая участь – получать приказы от этого человека.

К 1913 году Кемаль достиг низшей точки своей карьеры – он стал безработным подполковником в Константинополе, а Энвер взлетел далеко вверх. И все же не было даже признака того, что вскоре произойдет резкий перевернут в их судьбах, и никто даже в безумных мечтах не воображал, что спустя полвека имя Кемалю станут с благоговением произносить по всей Турции, что каждый школьник будет помнить наизусть мрачные черты его лица, его суровый рот и его утомленные глаза, а его блистательный соперник окажется забыт. Примечательно и то, что им обоим предстояло прожить грядущие пять лет.

Младотурок окружала ненависть. Их ненавидели старые политики режима Абдул Гамида. Их ненавидели армейские офицеры, которых отправил в отставку Энвер, и, помимо всего прочего, их ненавидели и боялись этнические меньшинства в Константинополе: армяне, греки и, в некоторой степени, евреи. Любая из этих группировок сделала бы все, что угодно, согласилась бы на любое иностранное владычество в Турции, лишь бы лишить младотурок власти.

Однако в тот период Талаат, Энвер и их друзья сохраняли за собой контроль и намеревались удержать его ценой любой жестокости или торговли.

Таковы были молодые люди, которые в августе 1914 года выставляли Турцию на аукцион, а им противостояли – возможно, точнее будет сказать, их поощряли – профессиональные западные дипломаты, предлагавшие цены. В отличие от младотурок, люди из иностранных посольств в Константинополе были вовсе не новичками. Там все было четко определено и расписано. По внешнему виду можно было узнать посла, драгомана (политического советника), военного атташе, главу архива и толпу секретарей точно так же, как известно, что это за шахматная фигура и какие ходы она может сделать. Все было в порядке, и различные нации можно было так же легко отличить, как красное от черного.

И все же по крайней мере в одном отношении посол 1914 года отличался от своего коллеги сегодняшнего дня: он обладал большей властью и много большей свободой действий. Не так часто случалось, чтобы он оказывался в тени международных конференций, которые сейчас созываются каждую вторую неделю, а его работа не проверялась постоянно кабинетом министров и приезжими политиками с Родины. Для него могли готовить краткий обзор-анализ, но интерпретировал его посол сам. Дорога из Западной Европы до Турции занимала много времени, а приближающаяся война сделала Константинополь в два раза более удаленным. И в самом деле, посол мог каким-то жестом, каким-то решением, принятым его властью, изменить баланс событий, может быть, удержать Турцию или подтолкнуть ее на путь войны. Также надо сказать, что «восточность» Османской империи, ее различия в религии, традициях и культуре во многом тогда были преувеличены, нежели мы это представляем сегодня. Посольство становилось аванпостом, твердыней, действительно физически ощутимым символом места нации в мире. Оно должно быть большим – больше, насколько возможно, чем посольство любой из

соперничающих стран, – а посол должен обладать качествами важной персоны. У него должны быть свой флаг, слуги в ливреях, своя яхта в Золотом Роге, а в дополнение к официальному дворцу в Константинополе – свое летнее посольство в Терапии. Все это натурально отдаляло дипломатов в Константинополе от Турции, и, несомненно, они чувствовали себя более подомашнему, находясь друг у друга, чем общаясь с турками. Послы и их подчиненные часто встречались в международном клубе, и их отношение к туркам было главным образом таким, какого и следовало ожидать.

«Сэр Луи Маллет, британский посол, – говорит Моргентау, – был высоконравственным и воспитанным английским джентльменом. Бомпар, французский посол, был также приятным благородным французом, и оба отстранялись от участия в смертельных интригах, из которых состояла тогдашняя турецкая политика. Российский посол Гирс был гордым и презрительным дипломатом старого режима... Было очевидно, что эти три посла Антанты не считали режим Талаата и Энвера долговечным или особо стоящим их внимания».

В лагере союзников был еще один, весьма влиятельный человек. Это был драгоман британского посольства Фицморис. Т. И. Лоуренс встречал Фицмориса в Константинополе перед войной и написал о нем следующее:

«Послами были Лоутер (полнейшая никчемность) и Луи Маллет, который был весьма приятен и посылал правильные предупреждения о развитии обстановки. Во многом наша безрезультатность, считаю, была виной политического советника Фицмориса – проницательной личности и человека невероятной энергии. Полжизни Фицморис прожил в Турции и был официальным посредником между посольством и местными властями. Он знал все, и его боялись во всех уголках Турции. К несчастью, он был неистовым римским католиком и яро ненавидел масонов и евреев. Движение младотурок наполовину состояло из скрытых евреев и на девяносто пять процентов из масонов. Посему он рассматривал его как дьявольское и использовал все влияние Англии для поддержки непопулярного султана и его дворцовой клики. Фицморис был на самом деле неистовым... а его предрассудки полностью лишили его способности здраво мыслить. Однако его престиж был высок, и наши послы и персонал МИД склонялись перед ним, как кегли. Благодаря ему мы отвергали любой дружеский шаг со стороны младотурок».

С бароном фон Вангенхаймом, германским послом, все было совсем по-другому. После двух мировых войн трудно было сфокусировать качества этого могучего человека, потому что он стал прототипом маленькой группы юнкеров, которые к нынешнему времени почти исчезли. Это был громадный человек, под два метра ростом, с круглой головой и пронзительными большими глазами, а вера его в кайзера была абсолютной. Он не был пруссаком, но его характер и поведение были почти карикатурой того, как иностранцы представляют прусского аристократа: крайняя безжалостность, железная уверенность в себе и в своей касте, презрение к слабости, а под твердым достоинством – детская возбудимость в своих собственных делах. Он бегло говорил на нескольких языках и обладал огромным чувством юмора. Это был человек одновременно и опасный, и образованный, и смешной: что-то вроде животного в жестком панцире манер.

Вангенхайма высоко ценили на Вильгельмштрассе. Не раз он останавливался на вилле у кайзера на Корфу и имел определенные полномочия говорить от имени Германии. А сейчас его задачей было льстить, превозносить и очаровывать младотурок, чтобы на политическом горизонте им не виделось ничто, кроме огромной технической мощи германской армии. Скорее всего, Вангенхайм выдвигал следующие аргументы: Россия с незапамятных времен является врагом Турции, а поскольку Россия – союзник Британии и Франции, то нечего и говорить о переходе на ту сторону баррикад. Более того, Германия намерена победить в войне. Британия может владеть морями, но битва будет идти на суше, а если в России произойдет революция, вполне возможная вещь, то Франция в одиночку никогда не устоит под сконцентрированным ударом вермахта. Единственная надежда Турции на возврат ее потерянных провинций – отво-

евание Египта и Кипра у Англии, Салоник и Крита у Греции, Триполи у итальянцев, подавление Болгарии и отпор Сербии – состояла в союзе с Германией именно сейчас, когда Германия собиралась показать свою мощь.

Козырной картой Вангенхайма была Германская военная миссия. Летом 1913 года младотурки запросили такую миссию, и к началу 1914 года она прибыла в ошеломляющем количестве. Германские офицеры, техники и инструкторы вначале появлялись десятками, а затем сотнями. Они взяли под контроль завод боеприпасов в Константинополе, они управляли береговой артиллерией вдоль Босфора и Дарданелл, и они перестроили тактику и методику обучения пехоты. К августу 1914 года миссия уже смогла продемонстрировать образец своей продукции: полк турецких солдат в новой униформе и с новыми винтовками прошел гусиным шагом по парадному плацу перед восхищенной группой лиц султанского двора, кабинетом младотурок и теми послами, которые не сочли зазорным здесь присутствовать.

Лиман фон Сандерс, глава миссии и автор этих резких перемен, оказался очень удачным выбором, сделанным Германией. Это был спокойный, уравновешенный человек, внушающий авторитет образованного воина, в котором укоренилась привычка командовать. Армия была его жизнью, все остальное за ее пределами для него не существовало. Не отвлекаясь на политику, он полностью сосредоточился на вопросах тактики и стратегии. Возможно, он не был блестящей личностью, но его нелегко было вывести из равновесия, а благодаря своей великолепной подготовке, он не часто совершал ошибки. Стоило лишь увидеть его за работой, чтобы понять, почему младотурки были совершенно убеждены, что если начнется война между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Британией, Францией и Россией – с другой, то проиграет не Германия.

Энвера явно не требовалось долго убеждать. Еще будучи военным атташе в Берлине, он оказался под сильным влиянием германского Генерального штаба, а во внушающей благоговение точности прусской военной машины и беспринципной *realpolitik* германских лидеров было как раз то, что удовлетворило его нужду в вере и направлении действий. Он хорошо говорил по-немецки, и, похоже, даже однообразные манеры этой страны захватили его. К тому времени он отрастил тонкие черные прусские усы с загнутыми кверху кончиками, и ему нравилась педантичная атмосфера холодной ярости на парадном плацу. Он был настроен, как сам говорил, на германизацию армии, другого пути не было.

У Талаата не было такой уверенности. Он понимал, что возрожденная турецкая армия дает им сильный козырь как против немцев, так и против Антанты, но, прежде чем лично ввязаться в дело, он предпочитал немного подождать. Он колебался, а пока он колебался, Энвер его подталкивал. Наконец в странном состоянии апатии и полустраха, которое, похоже, овладевало им во время всех его совместных дел с Энвером, он покорился. Между ними было заключено секретное соглашение, что если они вообще вступят в войну, то будут воевать на стороне Германии.

С другими членами кабинета управиться было труднее. По крайней мере, четверо из них заявили, что им не нравятся эти растущие германские посягательства и, если это приведет к втягиванию Турции в войну, они уйдут в отставку. Морской министр Джемаль все еще посматривал на Францию, где ему был оказан очень дружеский прием во время недавнего визита в Париж. Финансист Джавид не видел выхода из банкротства в случае войны. А помимо них были и другие – ни прогерманские, ни проантантовские, – которые плыли по течению в нейтральном страхе.

Энвер справился с ситуацией в своей обычной манере. В своем военном министерстве он был достаточно силен, чтобы продвигать свои планы, ни с кем не советуясь, и скоро было замечено, что Вангенхайм к нему захаживает чуть ли не через каждые два дня. Активность Германской миссии неуклонно возрастала, и к началу лета она настолько стала бросаться в глаза, что британский, французский и российский послы заявили протест. Энвер был абсолютно невоз-

мутим, он мягко заверил Маллета и Бомпара, что немцы заняты лишь обучением турецкой армии, а когда они закончат свою работу, то покинут страну – заявление, ставшее еще более подозрительным по мере того, как все больше и больше техников и экспертов продолжало прибывать в страну с каждым поездом. Теперь в Константинополе их было уже несколько сотен.

Русские были наиболее обеспокоены. 90 процентов русского зерна и 50 процентов всего экспорта проходило через Босфор и Дарданеллы, и соответствующий объем товаров поступал этим же путем от внешнего мира. Как только начнутся военные действия, не будет другого канала, другого места, где Россия могла бы обменяться рукопожатиями со своими союзниками – Англией и Францией; Архангельск зимой замерзал, Владивосток лежал на другом конце 5000-мильной железной дороги из Москвы, а флот кайзера намеревался заблокировать Балтику.

Как раз в такое время России больше всего подходило бы иметь Турцию в качестве нейтрального гаранта проливов в Константинополе, но Турция под влиянием Германии – это совсем другое дело. Российский посол Гирс был настолько обеспокоен, что в один момент, вероятно по инструкциям из Москвы, пригрозил войной. Но затем отступил. Пока тянулись жаркие летние недели 1914 года, один за другим отступили все. Война в Европе представлялась немислимой, но и даже если она начнется, Турция была слишком продажной и слабой, чтобы оказать заметное влияние на ход военных действий. Сэр Луи Маллет отправился в Европу на отдых.

Пока он отсутствовал – а это был последний беспокойный месяц мира, за которым последовало убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараеве в конце июня, – Энвер и Вангенхайм готовили свои окончательные планы. Видимо, у Энвера было немного проблем с колеблющимися членами кабинета. Говорят, что он в разгар спора выкладывал на стол свой револьвер и предлагал остальным продолжать высказывать свои протесты. Талаат лишь наблюдал и выжидал. 2 августа, за два дня до того, как Британия предъявила Германии свой ультиматум, между Турцией и Германией был заключен секретный союз. Он был направлен против России.

Это еще не обязывало Турцию воевать, а в стране нигде еще не было реального ощущения состояния войны. Но вот в этой напряженной атмосфере последних часов мира в Европе произошел один из инцидентов, которые, хоть и не столь важны сами по себе, все-таки могут накалить и ухудшить ситуацию и окончательно подтолкнуть народы и правительства к точке, где они вдруг в порыве чувств решаются поставить на кон свою судьбу, невзирая на возможные последствия. Это был инцидент с двумя военными кораблями, которые Британия строила для Турции.

Чтобы понять важность этих двух кораблей, надо обратиться назад к ситуации 1914 года, когда военная авиация практически не существовала, а авто- и железнодорожная сеть на Балканах ограничивалась лишь несколькими крупными дорогами. Прибытие одного линкора могло одним махом создать превосходство над флотом противника и нарушить весь баланс сил среди малых стран. Имея российский Черноморский флот на севере и Грецию, ведущую переговоры с США о приобретении двух дредноутов, на юге, Турция испытывала срочную нужду в приобретении военных кораблей, как минимум, равной силы со своими соседями. В Англии был размещен заказ на строительство двух кораблей, их кили были заложены, а все это дело приняло характер патриотической демонстрации.

В каждом турецком городе к населению обращались с призывом сделать вклад в оплату этого проекта. На мостах через Золотой Рог были установлены ящики для пожертвований, в деревнях были предприняты особые усилия, и в конечном итоге не было сомнения в воодушевлении, с которым общество делало свой вклад в восстановление турецкого флота. К августу 1914 года в Армстронге-на-Тайне один корабль был построен, а другой должен был быть готов к отправке через несколько недель.

В это время – точности ради, 3 августа, накануне начала войны – Уинстон Черчилль, первый лорд Адмиралтейства, объявил туркам, что он не может отправить корабли, в интересах национальной безопасности эти два судна были реквизированы британским флотом.

Не требуется богатого воображения, чтобы представить себе возмущение и разочарование, с которым эта новость была встречена в Турции. Ведь деньги уплачены, кораблям были присвоены турецкие названия, а турецкие команды уже находились в Англии, ожидая момента, когда можно будет принять управление и доставить их домой. И тут вдруг провал. Редко фон Вангенхайму предоставлялась такая возможность. Он не терял времени и напомнил Энверу и Талаату, что всегда их предупреждал: британцам верить нельзя – и сделал ошеломляющее предложение: Германия возместит турецкие потери. Немедленно в Константинополь будут направлены два германских боевых корабля.

Последовавшие приключения «Гебена» можно изложить вкратце. Может, случайно, а скорее всего, с умыслом в тот судьбоносный день данный корабль находился в Западном Средиземноморье в сопровождении легкого крейсера «Бреслау». Это был линейный крейсер, недавно построенный в Германии, водоизмещением 22 640 тонн, с десятью одиннадцатидюймовыми пушками и обладавший скоростью 26 узлов. Он мог обеспечить превосходство над российским Черноморским флотом и, что еще более важно в данный момент, мог переплыть (но не перестрелять) любой британский корабль в Средиземном море.

Британцы о «Гебене» знали все. Какое-то время его держали под наблюдением, поскольку опасались, что в случае начала войны он атакует транспорты французской армии, направляющиеся на континент из Северной Африки. 4 августа британский главнокомандующий на Средиземном море сообщил Адмиралтейству в Лондоне: «Индомитейбл» и «Индефатигейбл» следуют за «Гебеном» и «Бреслау» в пункте 37°44' с. ш. 7°56' в. д.», на что Адмиралтейство ответило: «Отлично. Держитесь за ними. Война неизбежна». И весь тот день два британских линкора продолжали с короткой дистанции следить за «Гебеном». В любой момент они могли отправить его ко дну своими 12-дюймовыми пушками, но британский ультиматум Германии истек лишь в полночь, и кабинет министров в Лондоне категорически запретил любые военные действия до этого срока. Ситуация была невыносимо мучительной. Черчилль вспоминал, что в пять часов вечера первый лорд флота принц Луи Баттенбург высказался ему в Адмиралтействе, что все еще есть время потопить «Гебен» до наступления темноты. Но ничего не оставалось, кроме как ждать.

Когда пришла ночь, «Гебен» набрал скорость выше 24 узлов и исчез. И только два дня спустя, когда война уже началась, британцы обнаружили, что «Гебен» вместе с «Бреслау» грузится углем в Мессине, Италия, и они еще не знали, что командир корабля адмирал Сушон получил сообщение, в котором ему предписывалось направиться прямо в Константинополь. В 17.00 6 августа «Гебен» и «Бреслау» вышли из Мессины под звуки оркестров, а палубы были очищены для боевых действий. Все еще допуская, что эти корабли могут повернуть либо на запад для атаки французских транспортов, либо на север в направлении дружественного порта Пола, британский флот расположился к западу от Сицилии и у пролива в Адриатику. «Гебен» же и «Бреслау» повернули на юго-восток, и, когда британские легкие крейсера Адриатической эскадры не сумели завязать с ними бой, они оторвались окончательно. Спустя два дня, все еще не обнаруженные, корабли лавировали меж греческих островов в ожидании разрешения от турок на вход в Дарданеллы.

Возбуждение в Константинополе было нешуточным. Ведь разрешить германским кораблям пройти через проливы практически означало ведение военных действий. Но у Вангенхайма уже было наготове решение: поскольку корабли прибыли в турецкие воды, они перестают быть германскими и становятся частью нейтрального турецкого флота. Но придут ли они? Это было все еще под вопросом. До 8 августа в Константинополь не поступало вестей от кораблей, и представлялось вполне возможным, что их уже потопил британский флот.

Любопытно, что первым потерял выдержку Энвер. Он попытался восстановить ситуацию путем элементарного обмана. Он послал за российским военным атташе и изложил ему условия российско-турецкого альянса, которым бы аннулировалось соглашение с Вангенхаймом, подписанное всего лишь неделю назад. Действительно, по одному из параграфов Лиман фон Сандерс и все германские офицеры подлежали увольнению с турецкой службы.

Немцы ничего не знали об этой двойной игре, когда на следующий день один из офицеров штаба Лимана прибыл в военное министерство с новостью, что «Гебен» и «Бреслау» находятся вблизи Дарданелл и ожидают разрешения на вход. Энвер заявил, что должен посоветоваться с коллегами. Однако германский офицер настаивал на том, что ответ надо дать немедленно. Последовала короткая пауза. Затем Энвер произнес: «Пусть входят». На следующий вечер «Гебен» и «Бреслау» шли сквозь Дарданеллы, а предполагавшийся альянс с Россией был позабыт.

Но этим дело не кончилось. Германия все еще не имела намерений привлечь Турцию к активным боевым действиям, поскольку, будучи дружественно нейтральной, она выполняла бы очень полезную роль, приковывая к себе британскую эскадру в устье Дарданелл и угрожая британским коммуникациям в Египте. Более того, как все ожидали, война должна была завершиться через несколько месяцев, и в Берлине не видели смысла во взятии на себя дополнительных обязательств перед Турцией.

С другой стороны, для России, Британии и Франции положение становилось нетерпимым. Вот уже и «Гебен» стоит на якоре в Босфоре, уже и адмирал Сушон и его команда совершают фарс с надеванием фесок, выдавая себя за моряков турецкого флота, тут и Лиман фон Сандерс с его Военной миссией, занятый реорганизацией турецкой армии. По ночам кафе в Пера и Стамбуле полны буйных немцев. Штабные машины, разрисованные кайзеровскими орлами, разъезжают напоказ по улицам, а энверовское военное министерство с каждым днем все больше и больше становится похожим на германский военный штаб. Унылый каламбур пронесся по иностранной колонии: «Deutschland über Allah» («Германия превыше Аллаха». – Примеч. пер.).

Сэр Луи Маллет неоднократно заявлял протесты в отношении «Гебена», но его уверяли, что это уже турецкий корабль. Но тогда, возражал он, германские экипажи должны быть распущены. Но это уже не германские команды, отвечал Энвер, они уже входят в состав турецкого флота, ну и, в любом случае, Турции не хватает своих матросов. Ее лучшие моряки были посланы в Англию, чтобы управлять двумя построенными в Британии линкорами, которые так и не вернулись в Турцию. Ничего невозможно предпринять до тех пор, пока эти моряки не возвратятся домой. Но вот турецкие экипажи вернулись, но ничего не изменилось, кроме того, что дюжина из них была размещена на борту «Гебена». Но германский экипаж остался.

Сейчас союзники были встревожены всерьез, поскольку они желали, и даже более, чем германцы, чтобы Турция оставалась нейтральной. Маллет, его российский и французский коллеги неустанно указывали Энверу и партии войны, что Турция измотана Балканскими войнами и что она будет в руинах, если так скоро вновь возьмется за оружие. Потом ближе к концу августа они стали проводить много более жесткую линию: они предложили в обмен на турецкий нейтралитет гарантии Британии, Франции и России от атак Османской империи.

Это предложение имело очень большое значение, и если бы оно было выдвинуто до войны, то могло оказаться решающим. Но сейчас на сцене появился совершенно новый фактор: 5 сентября 1914 года разгорелось сражение на Марне во Франции, и с каждой прошедшей неделей становилось все более и более очевидно, что первый германский натиск на Францию остановлен. На востоке русские пробивали дорогу вперед сквозь австрийскую оборону. Уже вовсе не казалось, что война будет короткой и завершится победой Германии, у Германии возникла нужда в союзниках. Теперь она уже хотела вступления Турции в войну.

Одним из самых ранних свидетельств этой перемены в политике стало отношение к Британской морской миссии. Эта миссия под командой адмирала Лимпуса в течение нескольких прошлых лет занималась обучением моряков турецкого флота. С приходом «Гебена» ее положение стало вначале затруднительным, а затем и просто невыносимым. В начале сентября адмирал Лимпус пришел к выводу о невозможности продолжения работы. 9-го числа миссия была эвакуирована, и теперь немцы контролировали турецкий флот так же, как и армию. Затем 26 сентября произошло нечто более серьезное. У входа в Дарданеллы британской эскадрой, патрулировавшей этот район, была задержана турецкая торпедная лодка. Когда выяснилось, что на борту корабля находятся немецкие солдаты, лодке был отдан приказ возвращаться в Турцию. Узнав об этом, некий Вебер-паша – германской службы, командовавший укреплениями, – самолично закрыл Дарданеллы. Поперек канала были разбросаны мины, легкие домики на берегу уничтожены, а на скалах были размещены предупреждения всем кораблям, что проход блокирован. Это в некотором роде стало самой наглой выходкой, которую предприняли немцы, потому что свободный проход через Дарданеллы регулировался международной конвенцией, которая касалась как воюющих, так и нейтральных стран, и любое вмешательство в международное судоходство приравнивалось к военной акции.

Сами турки не были извещены немцами об этом шаге, и 27 сентября в Константинополе состоялось бурное заседание кабинета. Но к этому времени Энвер с Талаатом уже отдали страну в руки Германии. Остальные члены кабинета могли протестовать и угрожать отставкой, но они не могли ничего сделать для изменения положения. Жизненные артерии России были перерезаны. Несколько недель торговые суда из черноморских портов, загруженные зерном и другими экспортными товарами, накапливались в Золотом Роге, пока их не набралось несколько сот, а моторная лодка, курсировавшая по гавани, с трудом могла пробраться между ними. Когда наконец стало ясно, что блокада надолго, корабли один за другим отправились назад в Черное море, чтобы никогда уже не вернуться.

Можно судить о важности этого дня по тому факту, что интенсивное торговое судоходство через Дарданеллы так впоследствии и не оживилось. Когда проливы были вновь открыты в 1918 году, в России уже произошла революция, и с тех пор Советская империя фактически сама себя отрезала от морской торговли с Западом. Консульства всех великих держав, ранее выстраивавшиеся под развевающимися флагами вдоль береговой линии у Чанака, были закрыты, и теперь никто не проходил по проливу, кроме местных кайков, жидкого потока океанского судоходства до Константинополя да, совершенно случайно, одиноких коммунистических кораблей, проплывавших в молчании и с обреченным видом, будто это были пришельцы с каких-то иных планет.

Последние несколько недель мира в Турции пролетели очень быстро. Прибывало все больше и больше германских техников, и целыми ночами с морских причалов непрерывно доносился звон и лязг: там шло переоборудование старых турецких судов к войне. Большинство германских морских офицеров квартировало на «Генерале», резервном судне, стоявшем на якоре возле моста Галата в Золотом Роге, и ни для кого не было секретом, что на ночных пьянках эти офицеры хвастались, что если Турция вскоре не станет шевелиться, то Германия возьмет дело в свои руки. Адмирал Сушон раз за разом отправлял «Гебен» в Черное море на маневры. Однажды, из чувства юмора, который несколько трудно оценить на таком расстоянии, он встал на якоре напротив посольства России на Босфоре. На палубе появились матросы в своей германской униформе и угостили вражеского посла концертом германской народной песни. А потом, надев фески, отплыли.

Конец пришел в последние дни октября. 29-го числа «Гебен», «Бреслау» и турецкая эскадра, частично управлявшаяся немецкими моряками, вышли в Черное море. В этот и следующий дни они открывали огонь без предупреждения по гавани Одессы, российской крепости Севастополю и по Новороссийску, при этом топили все суда на своем пути и поджигали

танки с горючим. Турецкий морской министр Джемаль в это время играл в карты в своем клубе в Константинополе и, когда ему сообщили эту новость, заявил, что не отдавал приказа об этом рейде и ничего о нем не знал. Так это или нет, вряд ли Энвер и Талаат не были об этом проинформированы. Более того, в тот же самый момент турецкая колонна войск в Газе, палестинской пустыне, готовилась выступить в крупный поход на Суэцкий канал.

30 октября российский, британский и французский послы в Константинополе вручили турецкому правительству 12-часовой ультиматум и, когда он остался без ответа, потребовали свои паспорта. На следующий день начались боевые действия.

Мустафа Кемаль в этих событиях участия не принимал. В предыдущем году он предпочел направить Энверу резкое письмо, обрушившись с ругательствами на Лимана фон Сандерса и Германскую миссию. Турция, как заявлял Кемаль, не нуждается ни в какой помощи от иностранцев, только сами турки могут найти свое собственное спасение.

Энвер мог себе позволить быть снисходительным, ибо было просто невыносимо, что Кемаль может когда-нибудь стать соперником. Он отправил его военным атташе в турецкое посольство в Софии.

Существует зловещая легенда о том, как использовал свое время Кемаль в этой полуссылке. Говорят, он предпринял неуклюжую попытку обучиться танцам, чтобы приобщиться к жизни болгарской столицы, потом, когда потерпел полную неудачу в этом деле, по слухам, пустился в разврат, пьянство. В этой истории может быть какая-то доля истины. И все же он действовал очень быстро, узнав, что его страна вступила в войну. Кемаль запросил по телеграфу из Софии разрешение вернуться на активную службу. Какое-то время ответа не было – в новой турецкой армии был нежелателен человек с антигерманскими настроениями, – и он хотел уже было бросить свой пост, когда ему пришел приказ из Константинополя. Он был назначен в Родосто, мыс на полуострове Галлиполи. Это событие в то время прошло совершенно незаметно, но ему было суждено изменить весь ход кампании, которая развернется в будущем.

Глава 2

Отдаться полностью. Totus porcus.
Адмирал Фишер

Благодаря своей дерзости – возможно, даже потому, что они должны были вести себя нагло, чтобы удержаться у власти, – младотурки втянули свою страну в войну, которая была слишком непосильной для них. Они оказались мелкими игровыми фишками в игре с очень высокими ставками, и, как обычно происходит в таких случаях, их присутствие какое-то время даже не замечалось другими игроками. Турки наблюдали, выжидали, делали свои скромные ставки, изо всех сил пытались понять, в какой стороне таится удача, и делали вид, что они с этим делом на «ты», что было весьма далеко от истины.

Прошли октябрь, ноябрь и декабрь, а их маленькая армия все еще не отваживалась рискнуть и никак не стремилась показать в действии взятые в долг боевые корабли. Да, было проведено две экспедиции: одна на восток, которой руководил сам Энвер, а другая на юг под командой морского министра Джемала. Их целями были не более и не менее, как отвоевание Кавказа у России и изгнание англичан из Египта. Но поскольку ничего не было слышно ни об одном из этих предприятий, в других Балканских странах, не рискнувших поставить свою судьбу на исход войны, стал проявляться явный цинизм. Ничто бы не доставило большее удовольствие Греции, Болгарии и Румынии, чем разгром Турции в каком-нибудь крупном сражении, и они с надеждой ожидали начала военных действий союзниками стран Согласия.

На море имели место две стычки. Эскадра британских и французских боевых кораблей несла патруль в Эгейском море в надежде, что «Гебен» все-таки появится, и в ноябре эти корабли обстреляли форты Седдэль-Бар и Кум-Кале по обе стороны входа в Дарданеллы. Все было кончено за двадцать минут, а ответа от турок не последовало. Затем в воскресенье 13 декабря лейтенант Норман Холбрук через канал Нэрроуз проник в Дарданеллы на подводной лодке «В-11». Войдя в пролив, как только турецкие прожектора потухли с наступлением рассвета, он пробрался сквозь минные поля и после четырех часов плавания поднял перископ. Он обнаружил перед собой большой двухтрубный корабль – турецкий линкор «Мессудие» – на якоре в Сари-Сигла-Бэй и выстрелил в него свои торпеды с дистанции 500 метров. Подождав достаточно долго, чтобы убедиться, что цель уничтожена, Холбрук совершил срочное погружение. Держась самого дна, он добрался до глубоководной части и вышел в открытое море. За эту победу Холбрук был награжден Крестом Виктории.

Но это были всего лишь акции местного значения, и не было сделано попыток развить их. В Лондоне, правда, существовало мнение, что с Турцией надо что-то делать, и этот вопрос всплывал время от времени. Еще до начала боевых действий государственный военный секретарь лорд Китченер и первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль обсуждали возможность убедить греков высадить армию на Галлиполийский полуостров. Если бы тамошний турецкий гарнизон был разгромлен, флот смог бы войти в пролив, потопить «Гебен» и развернуть свои орудия на Константинополь. План был интригующим, и греки, узнав о нем, поначалу загорелись желанием, им в награду был обещан остров Кипр. Однако потом их настрой изменился, да и британцы также вскоре охладели.

Всех занимала массовая бойня, происходившая во Франции. К концу ноября, когда прошло едва лишь три месяца с начала сражения, союзники потеряли около миллиона человек – фантастическая цифра, ни разу не превзойденная за всю войну в такой короткий период. Это было настолько ужасно, что, казалось, вот-вот принесет какой-то результат, мол, если послать

на фронт достаточно солдат, если они еще раз бросятся на пулеметы и колючую проволоку, то наверняка прорвутся.

Убивать немцев – вот что требовалось, продолжать убивать их до тех пор, пока не останется ни одного, а затем войти в самую Германию.

В конце декабря подполковник Хэнки, секретарь Военного совета, подготовил доклад, в котором отмечал, что на самом деле союзники не продвигались и не убивали немцев в большей степени, чем гибли сами. Ныне окопы были прорыты на участке в 350 миль от Северного моря до Швейцарских Альп, и Хэнки предположил, что сейчас самое время поразмыслить, нельзя ли выйти из тупика путем широкого флангового обхода за линией окопов – может, через Турцию и Балканы.

Эти идеи в общем виде уже обсуждались Черчиллем, Ллойд Джорджем и другими, а лорд Фишер, первый лорд флота, разработал схему прорыва в Балтику и высадки русской армии на северное побережье Германии. Но во Франции в лице французских и британских генералов существовала стойкая оппозиция этому плану – сказывался образ мышления «убей немца!». По их мнению, не было возможности выделить ни одного человека с важнейшего театра на западе. Они утверждали, что раскол союзных сил, отправка какой-то экспериментальной экспедиции на восток создадут угрозу безопасности всей обстановке во Франции и подвергнут Англию риску вторжения.

Вначале Китченер поддерживал эти идеи, но затем, в последние дни года, от британского посла в Петрограде сэра Джорджа Бьюкенена пришло сообщение, в котором говорилось, что русские испытывают трудности. Великий князь Николай Николаевич – главнокомандующий российскими вооруженными силами – запрашивал, сообщал сэр Джордж, «не сможет ли лорд Китченер организовать какого-либо рода демонстрацию силы где-нибудь против турок, морскую или сухопутную, и так распространить информацию, чтобы заставить весьма чувствительных к изменению ситуации турок отвести часть своих сил, ныне воюющих против русских на Кавказе, и тем самым облегчить положение русских на этом фронте».

Такое нельзя было игнорировать. После сокрушительных ударов под Танненбергом и в районе Мазурских озер российские армии стали колебаться на всех участках фронта. Сообщалось, что их потери превысили миллион человек, а поставки оружия и боеприпасов иссякали. Новое германское наступление предстоящей весной стало бы для них катастрофой.

Китченер заехал в Адмиралтейство, чтобы обсудить это сообщение с Черчиллем, а на следующий день, 2 января 1915 года, он говорил: «Единственным местом, где демонстрация имела бы какой-то эффект на остановку подкреплений, идущих на восток, могли бы быть Дарданеллы. Особенно если, как говорит великий князь, в то же время распространить слухи, что Константинополь находится под угрозой». И в Петроград была послана следующая телеграмма:

«Пожалуйста, заверьте великого князя, что будут приняты меры для производства демонстрации силы против турок. Однако есть опасения, что любая акция, которую мы сможем запланировать и провести, вряд ли серьезно повлияет на численность противника на Кавказе или вызовет вывод войск».

Каким бы унылым это послание ни было, оно обязывало британцев к действию, и в Адмиралтействе Черчилль вместе с Фишером занялись вопросом, какого рода акция возможна. Фишер был полностью за то, чтобы сразу же использовать план Хэнки. «СЧИТАЮ, ЧТО АТАКА НА ТУРЦИЮ ДОЛЖНА СОСТОЯТЬСЯ! – писал он (прописными буквами). – НО ТОЛЬКО ЕСЛИ НЕМЕДЛЕННО!» – и продолжал детально описывать, что для этого следует сделать. Всех индусов и 75 000 британских солдат во Франции следовало посадить на корабли в Марселе и высадить вместе с египетским гарнизоном на азиатском берегу Дарданелл, грекам надлежит атаковать Галлиполийский полуостров, а болгарам маршировать на Константинополь. В это же время эскадра старых британских линкоров класса «Маджестик» и «Конопус» будет пробиваться в Дарданеллы.

Все это звучало по-своему очень хорошо, но Китченер в ходе дискуссий многозначительно заявил, что для любой новой экспедиции у него нет ни одного лишнего человека, а о том, чтобы забрать войска из Франции, и думать нечего. Если вообще надо провести какую-то демонстрацию, то это должна быть морская операция. На Черчилля наибольшее впечатление произвел намек Фишера на захват проливов с помощью старых линкоров. Подобный подвиг будоражил воображение британских морских стратегов по крайней мере столетие, и в реальности подобное уже однажды происходило, и в обстоятельствах, весьма схожих с нынешними. В 1807 году, когда Наполеон устремился на восток, русские запросили помощь в борьбе с турками, и британцы послали эскадру в Дарданеллы. Сэр Джон Мур, второй по чину в британском гарнизоне на Сицилии, настаивал, чтобы отряд сопровождали войска, но услышал в ответ, что нет ни одного свободного солдата (что было неправдой). «Было бы неплохо, – писал сэр Джон после того, как корабли отплыли, – отправить вместе с флотом в Константинополь семь или восемь тысяч человек, которые бы подстраховали наш проход через Дарданеллы и позволили бы адмиралу уничтожить турецкий флот и арсеналы – задача, которую из-за недостатка сил он может и не выполнить». Экспедиция, однако, началась очень хорошо. Адмирал Дакворт с семью кораблями в развернутом строю прошел по проливу сквозь строй турецких батарей, уничтожил турецкую эскадру и находился уже в восьми милях от Константинополя, когда вдруг затих ветер. Он простоял целую неделю в ожидании, не имея возможности разрядить свои орудия по городу, а затем решил отойти. Дорога назад оказалась много труднее. Он не потерял ни одного корабля, но под огнем турецких орудий в Нэрроуз погибло 150 матросов.

С тех пор эта проблема вновь и вновь изучалась в нескольких случаях в связи с появлением паровых судов. Сам Фишер в первые годы XX столетия дважды пробовал обратиться к ней, но решил, что это «весьма опасно». Однако были и положительные аргументы для того, чтоб снова приступить к этому вопросу. Линкоры «Маджестик» и «Конопус» оба подлежали списанию на слом в течение предстоящих пятнадцати месяцев. Они уже настолько устарели, что не могли быть использованы в передовой боевой линии против германского флота, но, тем не менее, они прекрасно подходили для боя с турецкими батареями в Дарданеллах. В своем последнем наступлении через Бельгию немцы впечатляюще продемонстрировали, что могут сделать современные пушки против старых фортов – а турецкие форты были на самом деле очень старыми. В течение ряда лет британская Морская миссия находилась в Турции, так что англичанам было все известно об этих укреплениях, от пушки к пушке. Также было известно, что турецкий гарнизон на Галлиполийском полуострове вряд ли насчитывал одну дивизию. Части были разбросаны по площади и были ужасно плохо вооружены, и, вероятно, они все так же были подвержены инерции и неразберихе в управлении войсками, из-за которых Турция проиграла все свои сражения последних пяти лет.

Что касается второго предложения Фишера – привлечения греческих и болгарских солдат к боевым действиям, – то об этом можно многое сказать. Как только флот окажется в Мраморном море, весьма возможно, что Греция и Болгария откажутся от своего нейтралитета в надежде получить еще большие территориальные завоевания за счет Турции. Италия и Румыния также будут затронуты, и таким образом все может закончиться созданием большого альянса Балканских христианских стран против Турции. Но действительно решающей может оказаться помощь со стороны России. Как только Дарданеллы будут открыты, а Константинополь взят, оружие и боеприпасы пойдут к ней через Черное море и будут раскупорены 350 000 тонн грузов, скопившихся в России. Снова российское зерно станет доступным для союзников на Западе.

С этими идеями в мозгу Черчилль отправил следующее послание вице-адмиралу Сэквиллю Кардену, который командовал эскадрой на периферии Дарданелл:

«Является ли, по Вашему мнению, прорыв в Дарданеллы одними морскими силами целесообразной операцией?»

Предполагается использовать старые линкоры, оснащенные противоминными амортизаторами, впереди которых будут идти угольщики и другие коммерческие суда, используемые в качестве амортизаторов и тральщиков.

Значительность результатов должна оправдывать тяжелые потери.

Сообщите мне Ваше мнение».

И Фишер, и сэр Генри Джексон (который был прикреплен к штату Адмиралтейства в качестве советника по турецкому театру военных действий) видели эту телеграмму до того, как она была отправлена. И одобрили ее. 5 января пришел ответ Кардена: «В отношении третьего пункта Вашей телеграммы не считаю, что с Дарданеллами можно торопиться. Их можно прорвать путем масштабных операций с большим количеством кораблей».

До этого времени никто ни в Адмиралтействе, ни в военном министерстве не пришел к какому-нибудь конкретному заключению или не подготовил план, что следует делать. Но впервые появилось что-то положительное: адмирал на месте верил, что может прорваться через проливы методом, который не применялся ранее: медленное продвижение вместо спешного, рассчитанный обстрел одного форта за другим. Посоветовавшись с сэром Генри Джексоном и его начальником штаба адмиралом Оливером (но не с Фишером), Черчилль снова телеграфировал Кардену:

«Ваше мнение согласовано с вышестоящими властями. Пожалуйста, телеграфируйте в деталях, что необходимо для расширенной операции, какие потребуются силы и как, по Вашему, их следует использовать».

План адмирала Кардена поступил в Лондон 11 января и предусматривал применение очень крупных сил: 12 линкоров, 3 линейных крейсера, 3 легких крейсера, 1 лидер флотилии, 16 эсминцев, 6 субмарин, 4 гидросамолета, 12 тральщиков и десятки вспомогательных судов. Он предложил в качестве первого шага атаковать форты с большого удаления навесным огнем, а потом с тральщиками в авангарде сблизиться с турецкими батареями и уничтожить их одну за другой, двигаясь вдоль пролива. В это же время отвлекающая бомбардировка ведется на линии обороны Булаир у основания полуострова Галлиполи и на Габа-Тепе на западном побережье. При этом потребуются много боеприпасов, а как только флот войдет в Мраморное море, предлагал он, надо держать проливы открытыми и патрулировать их частью имеющихся сил. Он добавлял:

«Время, требуемое для операции, в основном зависит от боевого духа врага, попавшего под обстрел, гарнизон значительно подкреплён немцами. Кроме того, повлияют и погодные условия. Сейчас время штормов. Все можно завершить примерно за месяц».

Этот план был обсужден и одобрен в деталях в Адмиралтействе, и было сделано одно очень важное добавление. Первый из пяти новых линкоров и один из самых могучих боевых кораблей, плававших в то время, а именно «Куин Элизабет», должен был вот-вот отправиться в безопасные воды Средиземного моря для калибровочных стрельб. И вот было решено, что, если план будет одобрен, этот корабль направится к Дарданеллам и будет калибровать свои 15-дюймовые орудия на турках – вещь, которую линкор мог легко делать, находясь вне пределов досягаемости вражеских береговых батарей.

13 января состоялось важное заседание Военного совета. Черчилль стал ярким сторонником этого плана, и по карте он излагал его другим членам. Он спорил, как замечал Ллойд Джордж, «со всей неумолимой мощью и настойчивостью, в сочетании с владением предмета до деталей, что для него характерно всегда, когда он действительно заинтересован в вопросе».

Похоже, споров было немного. Лорд Фишер и адмирал флота сэр Артур Уилсон были на совещании, но не выступали. Лорд Китченер, как это записано в протоколе совета, «считал, что план вполне достоин того, чтобы его попытаться реализовать. Мы можем прекратить бомбардировку, если она окажется неэффективной». И наконец, было принято единодушное

решение: «Адмиралтейству подготовиться к морской экспедиции в феврале с целью бомбардировки и взятия Галлиполийского полуострова вместе с Константинополем».

В последовавшие годы разгорелись целые словесные баталии вокруг формулировки этой резолюции. Невозможно, говорилось в докладе парламентской комиссии по Дарданеллам в 1917 году, читать все эти свидетельства или изучать объемистые отчеты, присланные в наш адрес, не оказавшись под воздействием этой атмосферы неопределенности и недостатка точности, которые, похоже, были характерной особенностью работы Военного совета. Как, задается вопрос, флот мог «взять» полуостров? И как он мог иметь своей целью захват Константинополя? Если имелось в виду – а очевидно, так оно и было, – что флот должен захватить и оккупировать город, то это полный абсурд.

Но, по правде говоря, все в Военном совете надеялись как раз на это, и, может, это не такой уж и абсурд. Положение Турции было очень шатким. За последние пять лет Константинополь дважды погружался в хаос политических революций. Он имел репутацию места истерии и, как было известно, был расколот на противоборствующие части. На тот момент Энвер и младотурки, может, и контролировали ситуацию, но с появлением союзного флота в Золотом Роге могло произойти что угодно. Надо учитывать атмосферу на переполненных людьми улицах, застроенных ветхими деревянными домами, когда корабельные орудия откроют огонь – или даже при одной угрозе открытия огня. В прошлом толпа приходила в буйство и при куда менее значительных провокациях, чем эта, а турецкое правительство известно своей способностью легко поддаваться панике. В Турции имелось лишь два завода боеприпасов, и оба располагались на побережье, где их легко было уничтожить огнем корабельной артиллерии вместе с такими военными целями, как морские доки, мосты через Галату и военное министерство. Константинополь находился в центре всех турецких дел: экономических, политических и промышленных, а также и военных. Ни один другой город в стране не мог заменить его, не было авто- или железнодорожной сети, которая позволила бы армии и правительству быстро передислоцироваться в другое место. Падение Константинополя практически означало бы падение самого государства, даже если бы в горах разгорелась длительная партизанская война. Если прибытия одного линейного крейсера «Гебен» было достаточно для вступления Турции в войну, то наверняка не стоило сомневаться, что появление полдюжины таких кораблей способно вывести ее из войны.

Таковы были аргументы, использовавшиеся Черчиллем в разговорах с коллегами, и к середине января, похоже, споров не было. Китченер был удовлетворен, потому что никто из его солдат, кроме немногих, используемых в десантных группах, не будет задействован в боях. Секретарь по иностранным делам Грей видел в этом огромные политические перспективы. Артур Бальфур говорил, что трудно себе представить более нужную операцию. Узнав об этом плане, русские заговорили о возможности отправки войск для его поддержки, а французы предложили четыре линкора со вспомогательными силами для службы под началом Кардена.

К концу месяца подготовка к операции шла полным ходом: собиралось вооружение, составлялись последние инструкции, и даже из таких отдаленных баз, как в Китае, кораблям было приказано следовать в Средиземное море. Сбор всей армады был намечен в Эгейском море поблизости от острова Лемнос в конце первой недели февраля. Все, чего недоставало – окончательного утверждения операции Военным советом. И операция начнется.

И вот в этом месте на сцене появился совершенно неожиданный фактор: Фишер высказался против всего плана. Его мотивы для такого поступка были настолько необычны, что можно было только надеяться понять их – и последовавшую за этим знаменитую склоку, – припомнив странное положение, в котором они все оказались к данному моменту. Это было столь же странным, как и все внутренние маневры британского правительства в то время.

Военный совет был сформирован с началом военных действий, и он включал премьер-министра (Асквита), лорд-канцлера (лорд Халдейн), секретаря по военным делам (лорд

Китченер), министра финансов (Ллойд Джордж), министра иностранных дел (сэр Эдвард Грей), государственного секретаря по вопросам Индии (лорд Крив) и первого лорда Адмиралтейства (Уинстон Черчилль). Фишер и начальник императорского Генерального штаба сэр Джемс Уолф Мюррей также посещали заседания для дачи технических консультаций, подполковник Хэнки был секретарем, а также были другие лица, которых приглашали время от времени. Формально этот орган отвечал за стратегию ведения войны. Фактически в нем доминировало три человека – Асквит, Черчилль и Китченер, – и из всех троих Китченер был несравним по влиянию. Сам Черчилль обрисовывал ситуацию таким образом, когда давал показания комиссии по Дарданеллам в 1916 году.

«Личные качества и положение лорда Китченера, – говорил он, – в то время играли огромную роль в принятии решений по происходящим событиям. Его престиж и авторитет были громадны. Он был единственным выразителем мнения военного министерства в Военном совете. Все восхищались его характером, личностью, и каждый чувствовал себя уверенно среди ужасных и непредсказуемых событий первых месяцев войны, когда рядом находился он. Если он предлагал решение, оно неизменно в конце концов принималось. Как я полагаю, его решения по любому военному вопросу, большому или маленькому, никогда не отклонялись Военным советом или кабинетом. Ни одно подразделение не было послано или удержано не просто вопреки его согласию, но и без его совета. Редко кто-либо отваживался вступить с ним в спор в совете. Уважение к этому человеку, симпатия к нему за его огромный труд, уверенность в его профессиональном суждении и вера, что его планы глубже и шире, чем это видится нам, заставляли умолкнуть все опасения и споры как в совете, так и в военном министерстве. Всемогущий, невозмутимый, сдержанный, он в то время полностью доминировал на наших совещаниях».

Должно было пройти двадцать пять лет, чтобы такая же личность в облике самого Уинстона Черчилля вновь появилась в Англии. Даже сомнительно, чтобы Черчилль в сороковых годах XX столетия обладал таким же престижем, ореолом почти непогрешимой правоты и мощи, которым владел Китченер в эти зимние месяцы 1915 года, когда страна еще не оправилась от первого шока войны. Китченер не только считался таким же решительным, каким стал Черчилль в битве за Англию. Он воистину точно знал, полагали люди, как он собирался победить в войне. Знаменитый плакат фельдмаршала с указующим перстом и надписью «Твоя страна нуждается в тебе!» явился, может быть, наиболее эффективным мобилизующим примером пропаганды, когда-либо появлявшимся в истории. По всей стране, на всех афишных щитах и железнодорожных станциях, в магазинах и в автобусах этот требующий взгляд вперялся в лицо каждого, а указующий палец преследовал повсюду. Это был Большой брат, обещающий и мудрый, это было лицо самого Марса, но в нем не было ничего злого, лишь сила и непреклонное чувство долга.

В Уайтхолле на близком расстоянии такие эффекты не были столь заметными. Асквит, самый прирожденный горожанин из всех, попал под влияние, а Черчилль, крайне молодой первый лорд в сорок лет, никак не мог соперничать с колоссом, даже если бы захотел этого. Определенно на этом этапе Ллойд Джорджу не стоило начинать ворчать, что ведение дел Китченером далеко от совершенства.

Дело, конечно, было в том, что другие члены были гражданскими лицами и непривычными к принятию решений в условиях жуткого физического ощущения войны. Китченер, профессиональный военный, наверняка чувствовал себя в своей стихии. Ему были знакомы загадки войны, а им – нет. В военном министерстве его власть была абсолютной, ибо к данному времени самые одаренные генералы и кадровые военные были отправлены во Францию, а Генеральный штаб был практически распущен. По новой системе министр решал все, а группа секретарей поставляла ему информацию и следила за выполнением его приказов. При составлении планов не было дискуссий, не было обмена информацией и опытом, и весьма часто его

подчиненные не имели даже туманного представления о том, что происходило у него в мозгу, до того момента, пока он не объявлял свое решение. Затем начиналась беготня, чтобы успеть за мыслями министра, приготовить необходимые детали, требовавшиеся для его пространных проектов. Сэр Джеймс Уолф Мюррей, генерал, недавно поспешно назначенный на должность начальника Генерального штаба, ничем не отличался от других. Хотя он часто посещал заседания, но не выступал, и, в самом деле, ему часто приходилось впервые слышать из уст Китченера новости о каких-то новых военных планах, подлежащих выполнению.

Такая система еще более осложнялась тем фактом, что Китченер обладал каким-то странно женским образом мышления. Большинство его крупных решений, похоже, основывалось на чем-то вроде чутья, сомнительной смеси технического опыта и инстинктивного гадания; иными словами, рассчитанное предчувствие. Когда весь мир говорил, что война закончится через шесть месяцев, он вдруг выступил с объявлением, что надо готовиться, как минимум, к трем годам боев. Эти предсказания, часто оказывавшиеся правдивыми – а если и неверными, то они затуманивались и забывались за другими событиями, – очень укрепляли его репутацию.

Ситуация у Фишера была совершенно иной. Он не был министром и не имел полномочий решать вопросы политики. И все-таки для общества и даже внутри Уайтхолла он представлял собой нечто большее, чем первый лорд флота, он был олицетворением самого флота. Со своим чудным угловатым лицом, придававшим ему чуть ли не восточный вид, со своей непопечительностью и энергией, с великолепным знанием флота он соответствовал всем требованиям концепции, как именно должен выглядеть британский моряк. В прошлом адмиральская задиристость вызывала жаркие споры на флоте, но все это осталось в прошлом. Он стал надежным и испытанным, как его собственные дредноуты. Если его власть не была так же велика, как у Китченера, у него было то, чего недоставало фельдмаршалу, а именно пронизательный, оригинальный, с чувством юмора ум, позволявший ему проникнуть в суть всякой проблемы на языке, которым каждый пользовался и который всякий понимал. Китченера уважали, но Фишера действительно любили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.